

Правовые и политические аспекты управления

Будаев А.В.

«Мягкая сила» во внешней политике России: истoki, особенности, перспективы

Будаев Андрей Владимирович — кандидат политических наук, Генеральный консул Российской Федерации в Рио-де-Жанейро, Бразилия; Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1 класса.

E-mail: consrio@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [1351-8832](https://elibrary.ru/1351-8832)

Аннотация

Статья посвящена исследованию содержания, основных принципов и особенностей формирования «мягкой силы» во внешней политике России. В работе раскрывается многомерный, разноуровневый характер российской «мягкой» дипломатии, главной несущей конструкцией которой являются признанные во всем мире достижения нашего государства в области культуры, искусства, науки, образования, спорта, а также высокие духовные и нравственные ценности. В качестве важных каналов и трансляторов отечественной «мягкой силы» отмечаются российская диаспора за рубежом, Русская православная церковь и иностранные организации бывших выпускников российских (советских) вузов. Автор приходит к выводу о становлении во внешнеполитической деятельности России собственной модели «мягкой силы», которая существенно отличается не только от западной, но и альтернативных ей концепций.

Ключевые слова

Россия, «мягкая сила», публичная дипломатия, неправительственные организации, информация, коммуникации, культура, сотрудничество, влияние, интересы, российская диаспора.

В современной геополитике «мягкая сила» считается атрибутом, присущим в первую очередь ведущим мировым державам, которые все активнее включают ее во внешнеполитические стратегии в целях создания благоприятных внешних условий для внутреннего развития, решения практических вопросов модернизации и расширения ареала своего влияния.

Сформулированная в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия известным американским политологом и нелибералом Джозефом Найем концепция «мягкой силы» определяется как «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек»¹. Такое воздействие, как считает Дж. Най, может осуществляться с помощью трех основных компонентов: культуры, идеологии и внешней политики². Позднее к ним стали относить привлекательность внутренней политики, экономические достижения и даже образ жизни и ценности, прежде всего американские.

¹ Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004. P. 45.

² Nye J. Soft Power // Foreign Policy. 1990. No 80. P. 167.

Вместе с тем введение Дж. Наем и его соавтором по ряду работ Р. Кеохейном в научный лексикон термина «мягкая сила» не означает, что это явление представляет собой исключительно американское изобретение. Отдельные элементы «мягкой силы» проявлялись в прошлые века в политике целого ряда европейских государств, включая Россию. На разных этапах эволюции ведущих стран мира масштабы, степень применения и охвата их «мягкой силы» заметно отличались.

На нынешнем этапе в России формируются собственные подходы и форматы использования «мягкой силы» во внешней политике, связанные с особыми представлениями о ее природе и возможностях. Они заметно отличаются от классических американских и в целом англосаксонских концепций и воззрений. В обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной президентом В.В. Путиным 12 февраля 2013 года, «мягкая сила» характеризуется как «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»³. Однако в этой трактовке «мягкая сила», как представляется, скорее совпадает с американским же определением публичной дипломатии, которое в свое время дал известный в США и мире ученый-политолог Э. Джуиллион⁴, и собственного звучания пока не приобрела. Данное обстоятельство предопределяет необходимость уточнения и конкретизации российской теории «мягкой силы», поскольку копирование западных шаблонов и схем и перенос их на иную культурно-историческую почву может приводить к обратному результату, а именно к издержкам и потерям во внешней политике России.

Нередко термин «мягкая сила» и близкие ему понятия публичной дипломатии, «умной силы», «цветных революций» смешивают и используют как синонимы, описывающие с разных сторон одно и то же явление. В различных кругах российских ученых, политиков и дипломатов растет обеспокоенность тем, что «в современном мире, для которого характерны процессы глобализации, то есть выстраивания политических и социально-экономических стандартов по единой модели, предлагаемой

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (06.05.2014).

⁴ Согласно Э. Джуиллиону (1965), публичная дипломатия — это отношения между государствами, которые не задействуют традиционные связи правительств. См.: Bardos A. «Public Diplomacy»: An Old Art, A New Profession // Virginia Quarterly Review. 2001. No 77 (3). P. 424–437. URL: http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy (19.12.2013).

единственной сверхдержавой, в последнее время для решения межгосударственных проблем на смену традиционным боевым операциям стали приходить технологии непрямых действий, зачастую подрывающих государство-соперника изнутри. Названий таким технологиям много: «мягкая сила», «умная сила», «управляемый хаос» и т. д. Под всеми этими дефинициями подразумеваются различные средства, подрывающие политический и экономический потенциал государства. Более того, к таким инструментам можно отнести и т. н. «твиттерные» революции, искусственно созданные оппозиции, раскручивающие протестные движения. Характерной особенностью реализации рассматриваемых стратегий в нужной Западу стране и даже в целом регионе является то, что к событиям, происходящим там открыто, применяются двойные стандарты⁵. В этой версии различия между «мягкой силой» и «умной силой», «цветными революциями», технологиями «управляемого хаоса» и рефлексивного контроля стираются перед лицом тех системных рисков и угроз международной безопасности, которые, как считает А.В. Демидов, несут эти явления⁶.

По мнению доктора политических наук, директора Института стратегических исследований и прогнозов при РУДН Г.Ю. Филимонова, «мягкая сила» — «символическое понятие, отражающее американское политическое мировоззрение и подходы США к пониманию специфики невоенных компонентов внешнеполитического могущества государства»⁷. При этом ученый полагает, что российскую «мягкую силу» «необходимо рассматривать в фокусе глобальных социально-политических, экономических и культурных процессов, формирующих новую, в корне отличную от предыдущих, систему мировой политики, где классические иерархические модели взаимоотношений среди международных акторов начинают уступать место сетевым структурам»⁸. А.И. Сухарев считает, что «мягкая сила» — это «одна из форм внешнеполитической стратегии государства, а также комплексный механизм влияния через систему «привлекательных предпочтений»⁹, набор политтехнологических приемов, методов и средств, имеющий свою

⁵ Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // Международные отношения. 2014. № 2. С. 231–235.

⁶ Там же.

⁷ Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104–107.

⁸ Там же.

⁹ Сухарев А.И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира: автореф. дисс.... докт. полит. наук. М., 2011. С. 44.

самостоятельную функциональную и видовую нишу в политике¹⁰. Согласно утверждению исследователя, «мягкая сила» «ориентирована на оказание влияния и побуждение оппонента (партнера) действовать в заданных политических параметрах»¹¹. Как утверждает В.М. Капицын, негосударственные акторы — основные проводники «мягкой силы», «существуя в «другом измерении» международных отношений, оказывают непосредственное влияние на мировые процессы, зачастую пользуясь почти исключительно ресурсами *soft power*. Например, международная организация *Human Rights Watch* опубликовала в 2003 году доклад, в котором содержалась жесткая критика американской стратегии борьбы с терроризмом. В течение последующих десяти дней в мировых СМИ было зафиксировано 288 упоминаний этого доклада и организации»¹².

Существует и противоположный взгляд на проблему формирования российской «мягкой силы» и поиска собственной модели «мягкого» внешнеполитического воздействия: ряд российских исследователей считает, что Россия «почти безвозвратно утратила свой довольно значительный потенциал “мягкой силы”, который достался ей после распада Советского Союза... Ресурс этот был (отчасти еще и остается) довольно существенным, он включает в себя: информационно-культурное влияние России на страны СНГ, возможность беспрепятственного распространения продукции российской теле- и киноиндустрии, музыкальных произведений (пусть иногда не очень высокого качества), научно-образовательную привлекательность российских вузов»¹³. Однако, по мнению российских ученых А.А. Казанцева и В.Н. Меркушева, потенциал российской «мягкой силы» настолько ослаблен, что говорить о ее реальном вкладе в реализацию отечественной внешней политики как минимум преждевременно: «когда-то Россия распространяла свое влияние благодаря русскому языку. Но эти каналы воздействия отошли в прошлое»¹⁴.

По мнению автора этой статьи, отмеченные выше соображения и аргументы российских исследователей выглядят каждый по-своему достаточно убедительно и помогают более полно раскрыть содержание, а также слабые и выигрышные стороны

¹⁰ Сухарев А.И. Указ. соч. С. 44.

¹¹ Там же.

¹² Капицын В.М. Космополитизм — компонент «мягкой силы» и глобального управления // Научно-аналитический журнал «Обозреватель — Observer». 2009. № 10. С. 70.

¹³ Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО (У) МИД РФ. 2009. № 6. С. 200.

¹⁴ Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008. № 2. С. 122. URL: http://www.politstudies.ru/index.php?id=3968&page_id=453 (16.01.2015).

отечественной «мягкой силы» в различных ее интерпретациях. Если же говорить о сущности и проявлениях «мягкой» дипломатии во внешней политике России применительно к сегодняшнему дню, то, как представляется, за основу следует взять уже приведенную ранее формулировку из Концепции внешней политики России от 12 февраля 2013 года¹⁵, дополнив ее следующим: важными акторами и трансляторами «мягкой силы» России являются российская диаспора за рубежом (свыше 30 млн человек, занимает второе место после китайцев по численности среди иностранных диаспор), Русская православная церковь (РПЦ) (несущая высокие нравственные и духовные идеалы, подкрепляющая цивилизационную миссию нашего государства), иностранные организации бывших выпускников российских (советских) вузов. Значение последнего фактора определяется тем, что за несколько предыдущих десятилетий в нашем государстве были подготовлены десятки тысяч квалифицированных специалистов из зарубежных, главным образом развивающихся стран. Многие из них теперь успешно трудятся в различных отраслях и секторах экономики своих государств, занимают важное положение в общественно-политической, социальной и культурной сферах, представляют по сути государственную элиту общества. Это в итоге способствовало созданию своего рода плацдарма для распространения и популяризации в зарубежных странах высоких образовательных стандартов и в целом российской культуры, науки, образования. Особая ценность этого канала определяется тем, что трансляция российской «мягкой силы» осуществляется самими иностранцами среди своих сограждан, что повышает степень восприятия и доверия к получаемой информации.

В результате продолжающейся дискуссии, принимающей порой острые формы, в российской политической науке сформировалось несколько основных подходов к толкованию термина «мягкая сила»:

– представители первого подхода полагают, что в определении «мягкой силы» надо исходить из базовой формулировки, разработанной школой политического неолиберализма в лице таких видных теоретиков, как Дж. Най¹⁶ и Р. Кеохейн¹⁷. Этот

¹⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. П. 20: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится “мягкая сила” — комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии».

¹⁶ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*.

¹⁷ Keohane R. *Power and Governance in a Partially Globalized World*. London; New York: Routledge, 2002; Keohane R., Nye J.S. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown, 1977.

подход методичен и вполне обоснован, обладает своей стержневой логикой: поскольку происходит перенос определенной терминологии из американской политической науки в российскую, необходимо придерживаться точного перевода той дефиниции, которую выработали специалисты США, и, двигаясь от этой отправной точки, формировать собственные конструкции и концепции, адаптированные под российские условия. Таким образом, нет смысла искать свое определение «мягкой силы» — соперничать в этом деле с неолиберальными англосаксами все равно, что заново изобретать велосипед. Эта ступень уже пройдена; необходимо делать шаг на следующий уровень развития данной концепции, где уже достаточно свободного пространства для того, чтобы внести в англосаксонскую доктрину «мягкой силы» элементы российско-славянско-православной политической культуры и традиции;

– представители второго подхода отождествляют «мягкую силу» с публичной дипломатией, гуманитарным сотрудничеством, культурным влиянием и обменом, зачастую приравнивая «мягкую силу» к одному из этих понятий. При интуитивном (нестрогом) понимании «мягкой силы» такой взгляд не вызывает в целом возражений даже у специалистов-практиков (за исключением тех самых американских неолибералов, которые об этом просто не знают). Главный признак «мягкой силы» для представителей данного подхода заключается в особом составе акторов, являющихся носителями и проводниками «мягкой силы» в мировой политике и государственных связях: это так называемые негосударственные акторы международных отношений, особые участники мировой политики, «акторы вне суверенитета» (такие как неправительственные организации, движения, фонды, транснациональные корпорации, интернациональные политические партии и союзы). То есть, все те силы, которым традиционная Вестфальская система, основанная на примате наций-государств, отказывает в правах и в особой роли в мировой политике. В этом контексте нередко упоминают Ватикан или Русскую православную церковь, рассматривая эти организации как важные институты «мягкой силы»¹⁸;

– представители третьего подхода связывают с «мягкой силой» технологии информационно-психологического воздействия на массовое сознание и поведение, применяющиеся в мировой политике в двух основных организационных формах — в формате информационной (информационно-психологической) войны и в виде специальных психологических операций. При этом сторонники данного подхода

¹⁸ Зенков А.Р. Взаимодействие религиозных организаций и государства в современной России (на примере Русской православной церкви): дисс. канд. полит. наук. М., 2013.

отмечают, что формат использования инструментов «мягкой силы» (под которыми они понимают технологии психологического управления индивидуальным и массовым сознанием и поведением) применяется в рамках определенного набора культурно-цивилизационных парадигм и моделей управления международными конфликтами, к которым принадлежат специалисты по применению «мягкой силы»¹⁹;

– представители четвертого подхода в основной своей массе придерживаются мнения о том, что «мягкую силу» определяют особые признаки, отличающие ее от другого концепта американской политической мысли — «жесткой силы». Линия этого раздела, по мнению сторонников данной теории, проходит по границе отношения к возможности применения в политике прямого силового принуждения: «мягкая сила» — это те методы политического воздействия, которые, с одной стороны, отличаются от приемов традиционной дипломатии, а с другой — предполагают только «несиловую» форму оказания политического влияния. Этим они и отличаются принципиальным образом от «жесткой силы», подразумевающей широкое использование именно грубых насильственных методов «убеждения» оппонентов, силового давления и даже государственного шантажа (как это было в войне в Югославии). Главным маркером в этом подходе для определения «мягкой силы» служит понятие «несиловое воздействие».

Отталкиваясь от отмеченных выше базовых критериев и принципов формирования «мягкой силы», различных подходов в ее осмыслении и трактовке не только между зарубежными, но и отечественными учеными, политологами и дипломатами, важно перейти к анализу и фиксации характерных признаков и особенностей российской внешнеполитической деятельности, осуществляемой с помощью «мягких» методов и инструментов, ее сильных (включая степень эффективности и притягательности) и слабых сторон.

«Мягкая сила» нашей страны представляет собой сложный, многокомпонентный и разноуровневый механизм, не конкурирующий, а гармонично дополняющий инструментарий традиционной классической дипломатии. Надо признать, что нынешняя экономическая модель развития России (в том числе ее сырьевая ориентированность) едва ли может служить примером для подражания для «третьих» стран, многие из которых продвигают (и в ряде случаев небезуспешно) собственные пути развития. Схожая ситуация наблюдается и с утверждающимися

¹⁹ Карпович О.Г. Сравнительный анализ концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами России, США и Европейского союза // Вестник российской нации. 2012. № 2. С. 262–264.

сейчас в России политической системой и демократическими особенностями. Поэтому главными несущими конструкциями «мягкой силы» России были и остаются общепризнанные за рубежом отечественные достижения в области искусства и культуры (литература, музыка, балет, театр), науки (космос, высокие технологии), образования и спорта, ее духовные и нравственные ценности, которые оказывали и продолжают оказывать заметное воздействие на умянастроения людей в различных государствах и регионах мира. В этом отношении весьма показательным выглядит тезис президента России В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 года о том, «что в глобальном соревновании вырастет роль гуманитарных факторов: образования, науки, здравоохранения, культуры. Это, в свою очередь, существенно повлияет на международные отношения, в том числе потому, что ресурс так называемой мягкой силы будет в большей степени зависеть от реальных достижений в формировании человеческого капитала, нежели чем от изощренности пропагандистских приемов»²⁰.

Важнейшим направлением в продвижении отечественной «мягкой силы», а если быть точнее — ее составляющей в виде публичной дипломатии, является задействование гражданского общества, российских общественных и неправительственных организаций (НПО). В последние годы в нашей стране сформировалось несколько десятков подобных структур, занимающихся международными проблемами. Среди них наиболее активная и заметная роль в реализации публичной дипломатии и «мягкой силы» принадлежит Общественной палате, Совету по внешней и оборонной политике, Центру политических исследований России, Фонду поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, Российскому совету по международным делам, фонду «Русский мир», «Открытому правительству» и целому ряду других. Их разноплановая и не всегда совпадающая с официальной точкой зрения деятельность является полезным дополнением к традиционной дипломатии, принося в российскую «мягкую силу» больше доверия и убедительности. Гражданское общество, его институты и структуры являются неопределимым источником российской «мягкой силы», обладая огромным потенциалом, в плане развития и углубления связей с соотечественниками, с русскоязычными диаспорами, с политическими элитами и обычными гражданами зарубежных стран. По мнению руководителя Россотрудничества К.И. Косачева, «настоящему «мягкая сила» России набирает вкус и цвет, когда о том, какие мы на самом

²⁰ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 24 октября 2014 года // Президент России [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46860> (29.10.2014).

деле, а не в зеркале прессы и в изложении недобросовестных интерпретаторов, и о том, насколько мы нужны другим странам и народам, говорим не мы сами, а люди и партнеры за рубежом»²¹.

Происходящие контакты российских НПО с зарубежными партнерами, надо признать, носят пока спорадический характер, страдают отсутствием четко сформулированных задач и стратегии их реализации. В данном контексте представляется весьма важным анализ и обобщение имеющегося опыта в этой сфере, определение наиболее приоритетных направлений сотрудничества, включая поддержку «головных» российских объединений и НПО с целью перевода такой работы на плановую системную основу.

Мощный заряд в осуществлении «мягкого» внешнего воздействия нашего государства несет деятельность научно-исследовательских и академических центров, занимающихся международной политической, правовой и экономической проблематикой, включая вопросы миротворчества, урегулирования различных интернациональных и региональных конфликтов, а также сотрудничество в формате ООН, Всемирной торговой организации, «Большой двадцатки», БРИКС. Фундаментальные и наиболее актуальные труды и исследования ученых и специалистов нашей страны переведены на многие иностранные языки, признаны и востребованы в исследовательских учреждениях за рубежом, в конечном счете воздействуют на ход образовательного и научного процессов. Этот, можно сказать, интеллектуальный компонент составляет элитную часть «мягкой силы» с высоким коэффициентом отдачи, в первую очередь потому, что он оказывает влияние на формирование мировоззрения молодого поколения, представители которого в будущем станут определять экономические и политические направления развития своих государств.

В современных условиях к «мягкой силе» России в отношении «третьих стран» можно отнести деятельность как официальных, так и негосударственных структур торгово-экономической специализации. Речь идет, кроме профильных министерств и ведомств экономического блока, также о таких структурах, как: Торгово-промышленная палата Российской Федерации, Российский союз промышленников и

²¹ Интервью руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) К.И. Косачева газете «Ведомости», опубликованное 13 марта 2014 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/515B16B3F8A1841144257C9A0033BAEE (15.05.2014).

предпринимателей, Торговая палата города Москвы (и других ведущих городов нашей страны), национальные комитеты содействия экономическому сотрудничеству и советы предпринимателей с рядом государств мира и др. Регулярное проведение по их инициативе научно-практических конференций, семинаров, круглых столов по тематике двусторонних торгово-экономических и инвестиционных связей содействует формированию общего благоприятного климата для запуска и реализации конкретных проектов сотрудничества с зарубежными партнерами.

Новым моментом в применении отечественной «мягкой силы» можно считать позиционирование властями федерального и регионального уровней крупнейших городов страны в качестве привлекательных мест для организации крупных международных общественно-политических, экономических и спортивных мероприятий²². Успешное проведение многосторонних форумов, конференций, симпозиумов, круглых столов, выставок, соревнований становятся эффективным каналом информационной и медийной работы, содействуя формированию положительного образа России, консолидации благожелательного настроения среди значительной части национальной и международной общественности, включая их специфические сегменты (политический истеблишмент, экономические и спортивные круги, молодежь).

Значительным потенциалом в плане развертывания «мягкой силы» России обладают высокие информационные технологии и интернет-ресурсы с учетом их практически неограниченных возможностей охвата широкой, неформальной аудитории, оперативности передачи информации и возможности общения в режиме «реального времени». В качестве наглядного примера можно привести современное качественное содержание веб-страницы МИД России²³ и его многочисленных учреждений за границей, установки на них технических возможностей выхода в социальные сети: *Facebook*²⁴, *Twitter*²⁵ и *YouTube*²⁶. В последнее время

²² В этом ряду следует упомянуть ежегодно организуемые Санкт-Петербургский международный экономический форум и Международный дискуссионный клуб «Валдай», проведение на ротационной основе саммитов лидеров и других мероприятий в рамках БРИКС и «Большой двадцатки», а также летнюю Универсиаду в Казани в июле 2013, Чемпионат мира по легкой атлетике в Москве в августе 2013, Всемирные игры боевых искусств в Санкт-Петербурге в октябре 2013, Зимние Олимпийские игры в Сочи в феврале 2014, Глобальный конгресс предпринимателей в Москве в марте 2014, Чемпионат мира по футболу в 2018, зимнюю Универсиаду в Красноярске в 2019 и целый ряд других крупных международных чемпионатов и соревнований.

²³ Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/sitemap.nsf> (16.01.2015).

²⁴ МИД России на Facebook. URL: <https://www.facebook.com/MIDRussia> (16.01.2015).

²⁵ МИД России в Twitter. URL: https://twitter.com/MID_RF (16.01.2015).

внешнеполитическим ведомством России предприняты дополнительные усилия по активизации «цифровой» дипломатии, включая продвижение в отечественных и зарубежных соцсетях актуальной информации о внутренней и внешней политике России с целью формирования ее позитивного образа, а также мониторинга и своевременного реагирования на антироссийские выпады. 25 ноября 2014 года МИД России стал лауреатом авторитетной ежегодной национальной премии Рунета за проект «Корпоративная сеть МИД в социальных сетях», что бесспорно является общественным признанием важности и востребованности избранной нашим внешнеполитическим ведомством стратегии информационно-коммуникационной работы. Перед российскими дипломатическими представительствами поставлены задачи создавать и регулярно обновлять собственные страницы на *Facebook* и *Twitter*, добиваться расширения аудитории этих аккаунтов и повышения спроса на информацию, размещаемую на них. МИД России в целях повышения эффективности работы на этом направлении ежегодно проводит среди российских дипломатических и консульских представительств конкурсы на лучшую веб-страницу, что объективно служит дополнительным стимулирующим фактором.

В качестве важного субъекта и канала «мягкой силы» нашего государства выступает российская диаспора за рубежом, насчитывающая около 30 млн человек (второе место в мире после китайской диаспоры). На нынешнем этапе можно говорить о завершении формирования основных организаций соотечественников в ведущих странах мира, их адаптации к иностранным специфическим средам, привыканию к сосуществованию и взаимодействию. Они становятся весомым фактором, побуждающим соотечественников искать новые возможности и формы объединения и работы, преодолевая различные стереотипы и иллюзии. Этому процессу в значительной мере способствует разворот России к русским людям на чужбине, содействие в их объединении и самоорганизации, включая создание Всемирного координационного совета российских соотечественников за рубежом, региональных и страновых координационных советов. При этом российская диаспора нуждается в сохранении своей культурно-цивилизационной самобытности в условиях нарастающей глобализации и пассионарного подъема национального самосознания доминирующих в конкретных странах суперэтносов, объективно растворяющих в себе отдельные этнокультурные фракции. В этом плане российской диаспоре необходима

²⁶ МИД России на YouTube. URL: <https://www.youtube.com/user/midrfutube> (16.01.2015).

отечественная «мягкая сила», которая объективно способствует сохранению ее идентичности и способна быть главным проводником ее интересов.

Отдельным каналом российской «мягкой силы» является Русская православная церковь и ее многочисленные приходы за рубежом. Оставаясь на протяжении долгого времени чуть ли не единственным ядром единения и духовной поддержки русских людей за границей, сегодня РПЦ Московской патриархии и ее мощный внешний ресурс несут людям высокие духовные и нравственные идеи и ценности, подспудно подкрепляя действия официальных государственных структур по улучшению имиджа России. Окормление в приходах РПЦ прихожан, имеющих как российское, так и иностранное гражданство, во многом определяет важнейшие морально-этические нормы российской «мягкой силы» и суть ее цивилизационной миссии в мире. Президент Российской Федерации В.В. Путин в послании к Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года подчеркнул, что «в мире все больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира»²⁷. В этом смысле возможности российской «мягкой силы» огромны и не лимитированы какими-либо рамками.

При продвижении политики российской «мягкой силы» требуется учитывать наличие различного рода препятствий, ограничивающих ее охват и продуктивность. К ним относятся прежде всего определенные проблемы в формировании позитивного образа России за рубежом. В международном общественном сознании до сих пор сохраняется значительное количество различных стереотипов и фобий, имеющих в том числе негативные оттенки, сформировавшиеся в годы холодной войны и противостояния двух сверхдержав. К этому следует добавить некоторые гуманитарные и правозащитные составляющие международных отношений, которые в зависимости от конкретной политической конъюнктуры могут использоваться недобросовестными оппонентами нашей страны и снижать эффективность российской «мягкой силы». В данном контексте уместно привести выдержку из новой концепции внешней политики Российской Федерации: «...усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного

²⁷ Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 года // Президент России [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (13.05.2014).

использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирование общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом»²⁸.

Очевидно, что путь «мягкой силы» достаточно сложен и тернист, требует немалых экономических и интеллектуальных вложений. Но эти затраты более чем оправданы, поскольку позволяют оптимальным образом выстраивать и гарантировать российские позиции в мире на долговременной основе. Так, руководитель Россотрудничества К.И. Косачев считает, что «экономия недешево обходится нашей стране, когда приходится латать пробелы в «мягкой силе» значительно более дорогими средствами, в том числе «жесткими»»²⁹.

В нынешней непростой международной обстановке Россия активно формирует собственные подходы и форматы использования «мягкой силы» во внешней политике, заметно отличающиеся от классических американских и в целом англосаксонских концепций и воззрений. Характерно, что российская «мягкая сила» в форме публичной дипломатии и дипломатии официальной не конкурируют, а взаимодополняют друг друга, составляя единый набор инструментов политического воздействия. При этом публичная дипломатия представляет собой гибкий инструмент внешнего влияния, чутко реагирующий и подстраивающийся под любые изменения ситуации. В этом заключается ее высокая эффективность и возможность оперативного применения — в отличие от традиционной дипломатии, обладающей определенной инерционностью.

Важно иметь в виду, что «мягкая сила» может не только иметь четко выраженную внешнюю проекцию, но и использоваться в интересах внутреннего потребления и развития, включая формирование и консолидацию национального самосознания и патриотизма, что имеет исключительное значение для внутреннего развития России.

Надо признать, что «мягкая сила» России находится пока в стадии становления и оформления, пробивая себе собственный путь развития, отличающийся не только от западных, но и альтернативных им аналогов и вариантов. При этом роль «мягкой»

²⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.

²⁹ Интервью руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) К.И. Косачева газете «Ведомости», опубликованное 13 марта 2014 года.

дипломатии во внешней политике Российской Федерации будет неуклонно возрастать, обеспечивая оптимальным образом интересы и позиции нашей страны в мире.

Исходя из того, что «мягкая сила» представляет собой сложное и подчас неоднозначное явление, занимающее важное самостоятельное место в системе внешнеполитических координат, объективно возрастает значение задачи изучения, анализа и прогнозирования ее различных (негативных и позитивных) аспектов при реализации внешней политики Российской Федерации. В этой связи все большую актуальность приобретает выработка методологии и критериев, позволяющих измерять «мягкую силу» той или иной страны, оценивать ее потенциал и возможности реального влияния, в том числе в исторической перспективе.

Список литературы:

1. Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // Международные отношения. 2014. № 2. С. 231–235.
2. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 24 октября 2014 года // Президент России [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46860> (29.10.2014).
3. Зенков А.Р. Взаимодействие религиозных организаций и государства в современной России (на примере Русской православной церкви): дисс.... канд. полит. наук. М., 2013.
4. Интервью руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) К.И. Косачева газете «Ведомости», опубликованное 13 марта 2014 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/news_line/515B16B3F8A1841144257C9A0033BAEE (15.05.2014).
5. Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008. № 2. С. 122–135. URL: http://www.politstudies.ru/index.php?id=3968&page_id=453 (16.01.2015).
6. Капицын В.М. Космополитизм — компонент «мягкой силы» и глобального управления // Научно-аналитический журнал «Обозреватель — Observer». 2009. № 10. С. 70–79.

7. Карпович О.Г. Сравнительный анализ концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами России, США и Европейского союза // Вестник российской нации. 2012. № 2. С. 262–264.
8. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F (06.05.2014).
9. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО (У) МИД РФ. 2009. № 6. С. 200–205.
10. МИД России в Twitter. URL: https://twitter.com/MID_RF (16.01.2015).
11. МИД России на Facebook. URL: <https://www.facebook.com/MIDRussia> (16.01.2015).
12. МИД России на YouTube. URL: <https://www.youtube.com/user/midrftube> (16.01.2015).
13. Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/sitemap.nsf> (16.01.2015).
14. Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 года // Президент России [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (13.05.2014).
15. Сухарев А.И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира: автореф. дисс.... докт. полит. наук. М., 2011.
16. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104–107.
17. Bardos A. «Public Diplomacy»: An Old Art, A New Profession // Virginia Quarterly Review. 2001. No 77 (3). P. 424–437.
URL: http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy (19.12.2013).
18. Keohane R., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown, 1977.
19. Keohane R. Power and Governance in a Partially Globalized World. London; New York: Routledge, 2002.
20. Nye J. Soft Power // Foreign Policy. 1990. No 80. P. 153–171.
21. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004.

Budaev A.V.

«Soft Power» in Russian Foreign Policy: Origins, Features, Prospects

Andrey V. Budaev — Ph.D., Consul General of the Russian Federation in Rio de Janeiro, Brazil; Extraordinary and Plenipotentiary Counsellor Minister.

E-mail: consrio@yandex.ru

Annotation

The paper deals with the content, basic principles and features of «soft power» formation in Russian foreign policy. The paper reveals the multidimensional, multilevel nature of Russian «soft» diplomacy, the framework of which is formed by universally recognized achievements of our country in culture, art, science, education, sports, and by high spiritual and moral values. Russian diaspora abroad, the Russian Orthodox Church and foreign organizations of ex-graduates of Russian (Soviet) universities act as important channels and translators of Russia's «soft power». The author comes to the conclusion that Russia's foreign policy is under the process of formation of its own model of «soft power», which is considerably different not only from the Western, but from all the existing alternative concepts.

Keywords

Russia, «soft power», public diplomacy, non-governmental organizations, information, communications, culture, cooperation, influence, interests, Russian diaspora.

References:

1. Demidov A.V. Ot «miagkoi sily» k «upravliaemomu khaosu». *Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2014, 2, pp. 231–235.
2. Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai». 24 oktiabria 2014 goda. *Prezident Rossii* [Ofitsial'nyi sait]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46860> (29.10.2014).
3. Zenkov A.R. *Vzaimodeistvie religioznykh organizatsii i gosudarstva v sovremennoi Rossii (na primere Russkoi pravoslavnoi tserkvi)*: dis.... kand. polit. nauk. Moscow, 2013.
4. Interv'iu rukovoditel'ia Federal'nogo agentstva po delam Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv, sootchestvennikov, prozhivaiushchikh za rubezhom, i po mezhdunarodnomu gumanitarnomu sotrudnichestvu (Rossotrudnichestvo) K.I. Kosacheva gazete «Vedomosti», opublikovannoe 13 marta 2014 goda. *Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii* [Ofitsial'nyi sait]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/515B16B3F8A1841144257C9A0033BAEE (15.05.2014).
5. Kazantsev A.A., Merkushev V.N. Rossiia i postsovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniia «miagkoi sily». *Polis*, 2008, 2, pp. 122–135. URL: http://www.politstudies.ru/index.php?id=3968&page_id=453 (16.01.2015).
6. Kapitsyn V.M. Kosmopolitizm — komponent «miagkoi sily» i global'nogo upravleniia. *Nauchno-analiticheskii zhurnal «Obozrevatel' — Observer»*, 2009, 10, pp. 70–79.
7. Karpovich O.G. Sravnitel'nyi analiz kontseptsii, modelei i tekhnologii upravleniia mezhdunarodnymi konfliktami Rossii, SShA i Evropeiskogo soiuz. *Vestnik rossiiskoi natsii*, 2012, 2, pp. 262–264.
8. Kontseptsiiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii. Utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V. Putinyim 12 fevralia 2013 g. *Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii* [Ofitsial'nyi sait]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (06.05.2014).
9. Lebedeva M.M., For Zh. Vysshee obrazovanie kak potentsial «miagkoi sily» Rossii. *Vestnik MGIMO (U) MID RF*, 2009, 6, pp. 200–205.
10. *MID Rossii* v Twitter. URL: https://twitter.com/MID_RF (16.01.2015).
11. *MID Rossii* na Facebook. URL: <https://www.facebook.com/MIDRussia> (16.01.2015).

12. *MID Rossii* na YouTube. URL: <https://www.youtube.com/user/midrf tube> (16.01.2015).
13. *Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii* [Ofitsial'nyi sait]. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/sitemap.nsf> (16.01.2015).
14. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniuu. 12 dekabria 2013 goda. *Prezident Rossii* [Ofitsial'nyi sait]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (13.05.2014).
15. Sukharev A.I. *Politicheskoe stanovlenie sub'ektov setevykh gumanitarnykh vzaimodeistvii v mezhdunarodnykh otnosheniakh global'nogo mira*: avtoref. dis.... dokt. polit. nauk. Moscow, 2011.
16. Filimonov G.Iu. Aktual'nye voprosy formirovaniia strategii «miagkoi sily» vo vneshnei politike Rossiiskoi Federatsii. *Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2014, 1, pp. 104–107.
17. Bardos A. «Public Diplomacy»: An Old Art, A New Profession. *Virginia Quarterly Review*, 2001, 77 (3), pp. 424–437. URL: http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy (19.12.2013).
18. Keohane R., Nye J.S. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown, 1977.
19. Keohane R. *Power and Governance in a Partially Globalized World*. London; New York: Routledge, 2002.
20. Nye J. Soft Power. *Foreign Policy*, 1990, 80, pp. 153–171.
21. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Group, 2004.